

Сначала матушка Цинь взглянула на свою хозяйку, и когда старая вдова не показала никаких признаков неодобрения, попросила четвертую мисс последовать за ней в сторону. "Мисс Хуэйнин поссорилась со старшей мадам из-за того, что сказала матушка Бао, когда она пришла за вами сегодня. Обе они яростно спорили и ушли очень рассерженные. Старшая мадам печально плачет в саду спокойствия, и Мисс Хуэйнин тоже очень расстроена. Старая вдова провела день, утешая их и оказавшись меж двух огней. В результате она сегодня мало ела." Матушка вздохнула в этот момент. "Матушка Бао действительно не должна была указывать Мисс Хуэйнин перед таким количеством людей. У девушек тонкая душа, как она могла все это выдержать? Старая вдова весьма опечален из-за Мисс Хуэйнин."

Пусть тонко, но это была критика герцогини. На самом деле, если бы Цинь Хуэйнин была зрелой девушкой, и она не должна была закатывать истерику, независимо от того, насколько матушка смутила ее. Это была семья Цинь, которая плохо учила своих детей, но вместо этого она обвиняла других. Как бы дети семьи демонстрировали превосходное самообладание, если бы никто не сосредоточился на их воспитании? И какой мечтатель мог подумать, что жизнь всегда будет гладкой и свободной?

И все же, матушка Цинь говорила то, что должна была сказать, несмотря на то, что у нее была другая точка зрения. Сын не комментировал ошибки своего отца. В том же духе Цинь Инин не желала критиковать старших и еще менее желала говорить плохо о ком-то за их спиной. Она просто нахмурилась от беспокойства. "Старая вдова уже в таком возрасте, в котором поддержание хорошего здоровья имеет первостепенное значение. Пропуская еду и переживая, как ваше тело выдержит весь этот стресс?"

Она подошла к старой вдове. "Старая вдова, я знаю о ваших трудностях в сегодняшнем деле. Я не читала много книг, но я знаю одну вещь. Она подняла еще теплую белую фарфоровую чашу. В ней находилось пропитанное молоком птичье гнездо, которое матушка Цинь только что приказала сделать слугам. Цинь Инин поднесла ложку ко рту старой вдовы. "У ваших детей и внуков своя судьба. Пожалуйста, сосредоточьтесь на своем здоровье, старая вдова. Вы - путеводная стрелка компаса для клана Цинь. Пока вы здоровы, мой отец, второй дядя, третий дядя и все мои различные двоюродные братья-мужчины не должны беспокоиться о доме, в то время, когда они тяжело работают; в то время как у женщин есть столп поддержки, пока вы поддерживаете дом."

Прозрачные глаза Цинь Инин были переполнены дружелюбием и любовью ребенка к своей семье. Сердце старой графини смягчилось при нежном тоне этих нежных слов. Раньше у нее не было аппетита, но она достаточно взбодрилась, чтобы съесть несколько ложек после того, как ее уговорила Цинь Инин. Матушка Цинь улыбнулась видя это и тут же принесла шелковое полотенце и теплую воду, стоя наготове сбоку.

"Вы матриарх нашей семьи, Старая Вдова. Ваше тело не только ваше, но и всего клана Цинь. Не только вам нужно оставаться в добром здравии ради себя, но и для всей семьи. Даже я, я только что вернулся домой и ничего не знаю, так что мне понадобится ваше руководство в будущем, не говоря уже ни о чем другом." Мягкий тон Цинь Инин был успокаивающим бальзамом на сердце старой вдовы, помогая матриарху закончить чашу птичьего гнезда, прежде чем она это поняла.

Матушка Цинь проворно подошла, чтобы помочь хозяйке прополоскать рот. - Четвертая Мисс говорит совершенно справедливо. У ваших детей и внуков свои судьбы, госпожа. Вы-праматерь

и великий матриарх семьи. Почему бы просто не заниматься своими делами и не проигнорировать остальное? Не утруждайте себя этим. Вы трудились во имя этой семьи, когда были молоды, и теперь, когда у старшего мастера яркая и гладкая карьера, которая приносит славу семье, пришло время вам наслаждаться тем, что вы пожали, хозяйка. Почему бы не быть добрее к себе?"

Возможно, ее дух изменился к лучшему после еды, или, возможно, подействовали слова Цинь Инин. Как бы то ни было, старая вдова впервые искренне улыбнулась после полудня депрессии. Она вздохнула, немного счастливее. "Забудь об этом, ты права."

Уважение матушки к Цинь Инин стало немного выше, когда она увидела изменения в своей госпоже. Она не могла не высказаться во славу четвертой мисс. "В глазах этого слуги, четвертая мисс действительно очень похожа на господина, когда он был молод. Вы помните, госпожа, когда вам было плохо, а господину только исполнилось десять? Он не отдыхал всю ночь и оставался рядом с вами, помогая вам с лекарством. Он не хотел возвращаться, что бы я ему ни сказала, и настаивал на том, чтобы составить вам компанию, наконец-то заснув у кровати, когда рассветет."

Уютный свет фонаря смягчил черты Цинь Инин. Старой вдове нравилось, как она выглядела с самого начала, так как Цинь Инин напоминала ее старшего сына. Слова матушки глубоко погрузили ее в воспоминания о том, каким сыновним ребенком был Цинь Хуайюань, и довольное блаженство того, как о ней заботился ребенок, подсознательно проецировалось и на Цинь Инин. Она обняла девушку и нежно погладила Цинь Инин по спине. "Хорошая девушка. Твой отец был хорошим ребенком, и ты очень похожа на него в этом. Но ты так много страдала в прошлом, и бабушка говорила некрасивые слова, когда злилась. Они заставили тебя грустить, не так ли?"

Цинь Инин не могла не улыбнуться этим словам, ее глаза стали горячими. Независимо от того, как старая вдова будет относиться к ней в будущем, она могла чувствовать, что в этот момент матриарх семьи относился к ней с подлинной семейной любовью.

"Не говори так, бабушка." Она также изменила форму обращения. "Мы семья, а я твоя внучка. Как бы вы ни воспитывали меня, это для моего же блага, так как бы мне было грустно?"

"Хорошая девушка." Старая вдова крепче обняла Цинь Иню и погладила ее по спине, словно утешая ребенка. "Отныне бабушка будет любить тебя и восполнять все потерянные годы. Что ты на это скажешь?"

"Достаточно того, что я могу остаться рядом с бабушкой и составить вам компанию." Цинь Инин уютно устроилась в объятиях старой вдовы. Атмосфера в доме была довольно теплой, и даже пламя свечи, казалось, танцевало от счастья. Матушка Цинь, казалось, была заражена счастьем, текущим между бабушкой и внучкой, когда даже она улыбалась в довольстве.

Однако, прежде чем волшебный момент мог продолжаться дальше, пронзительный крик разрушил мирное счастье.

"Помогите! Кто-нибудь! Мисс Хуэйнин совершает самоубийство!"

Старая вдова чуть не упала с кровати. "Что?! Вы их вообще слышали?! Дорогая Хуэйнин хочет убить себя?!"

Матушка Цинь тихонько проклинала кричащего на улице человека и поспешно утешила старую вдову. "Не паникуйте, госпожа. Этот слуга пойдет посмотрит."

“Нет, нет, нет! Я действительно это слышала! Дорогая Хуэйнин покончила с собой! Старая вдова в панике вскарабкалась с кровати и побежала на улицу, даже не думая о своих туфлях.

Цинь Инин погналась за ней с туфлями в руках. “Бабушка, пожалуйста, сначала надень обувь. Я помогу вам.”

Матушка Цинь была достаточно быстра, чтобы схватить толстую меховую верхнюю одежду для старой вдовы, в то время как Цинь Инин надела обувь на старую вдову и присоединилась к ней, помогая. Цзисян и Руи прибежали с служанкой, держащей фонарь. Группа помчалась по крытому коридору в комнаты Цинь Хуэйнин.

Рыдания горничных, умоляющие мольбы раздались, прежде чем они достигли двери. “Мисс, не делайте глупостей!”

“Подумайте о старой вдове, у вас все еще есть старая вдова!”

“Мисс, это только радует ваших врагов и печалит вашу семью!”

Какая “семья”? Какие “враги”? Это была попытка убедить кого-то прийти в себя или подлить масла в огонь?! Выражение лица матушки Цинь было мрачным, и она вопросительно посмотрела на старую вдову. Выражение лица ее хозяйки тоже было не очень приятным.

Двери в согретую резиденцию были распахнуты, ясно показывая Цинь Хуэйнин, стоящую на черном лакированном садовом табурете. Она хваталась за белый дамасский шелк в руках и на цыпочках, пыталась просунуть голову через петлю. Матушка Кай, Битонг, Битал, и другие служанки хватались за ее ноги, пытаясь ее остановить. Рыдания, мольбы и сопящие звуки заполнили воздух, завершая сцену совершенного хаоса.

“И что все это значит?! Старая вдова дрожала от гнева. “Внучка Хуэйнин, спускайся оттуда сейчас же!”

“Я больше не хочу жить! Бабушка, Отпусти меня!” Щечки Цинь Хуэйнин были залиты слезам. Мокрые полосы испачкали и ее одежду. “Меня сегодня опозорили и даже мама отказывается признавать меня. Мое сердце разбито! Бабушка, я плохая внучка, просто отпусти меня!”

“Куда?! Ты мисс семьи Цинь, куда ты хочешь отправиться?! Слезай оттуда!” Старая вдова лаяла на слуг и злилась, и страдала. “Эй ты там, почему ты еще не помогаешь своей хозяйке?!”

“Хорошо!” Матушка Кай, Битонг и Битао вскочили на ноги. Достигнув своей цели, Цинь Хуэйнин позволила своему телу расслабиться, упав на Битонг и матушку Цай. Эти двое приложили много усилий, чтобы убедиться, что Цинь Хуэйнин не была ранена, ссадины и синяки, которые появились позже на их собственных телах, свидетельствовали о том, насколько они заботились о девушке. Тем не менее, в данный момент, Битао поняла мисс на руки. - Мисс, поспешите встать, чтобы старая вдова не огорчалась.”

Цинь Хуэйнин отбросила руки горничной и опустилась на колени, рыдая держась за бедро старой вдовы. “Бабушка, почему ты приказала им спасти меня? Просто дай мне умереть!”

Матриарх нахмурился. Несмотря на то, что она была расстроена из-за Цинь Хуэйнин, она также была возмущена методами привлечения внимания девушки. “Внучка Хуэйнин, что значит эта непрекращающаяся истерика!? Твой отец только что стал великим наставником наследника, и это время большой радости дома. Кого ты пытаешься таким образом проклинать?!”

Цинь Хуэйнин резко подняла голову и недоверчиво посмотрела на старую вдову. Брови бабушки были плотно сдвинуты. "Я знаю, что ты сейчас через многое проходишь, но ты должна быть более зрелой. Разве ты не знаешь характер своей матери? Почему ты ее так разозлила? Неужели бабушкина любовь не может успокоить тревогу и зависть в твоём сердце?"

"Нет, это не так..." - закричала Цинь Хуэйнин, прикрывая руками гримасу презрения на своём лице. Как я и думала, даже старой вдовы меня наплевать.

"Неужели это так? Тогда что же сейчас происходит? Ты живешь в моей резиденции, но причиняешь мне боль, пытаешься совершить самоубийство. И после этого я не могу злиться!?! В конце концов, старая вдова любила Цинь Хуэйнин больше всего, так что она не могла больше читать девушке лекции. Но для тех, кто служил Цинь Хуэйнин у старой вдовы прощения не было. "Урожденная Цай, ты ее кормилица. Она может и капризничает, но как насчет тебя?! Твоя госпожа повесила дамасский шелк над балками, и ты не потрудились остановить ее?! Цепляясь за ее бедра и плача, как бесполезный ребенок, для кого именно ты устроила это шоу?! Я могла бы повесить тебя там вместо этого!"

Кровь отхлынула от лица матушки Цай, когда она принялась бить неоднократные поклоны с мольбами. "Этот слуга не справился со своими обязанностями, этот слуга никогда бы не осмелился."

Вена пульсировала на лбу старой вдовы, а ее эмоции заставляли ее руки снова дрожать.

"Матушка Цинь, помоги бабушке вернуться", - наконец произнесла Цинь Инин выходя из-за спины старой вдовы, когда она увидела, что бабушку стали бить нервная дрожь "Не позволяйте гневу вредить телу бабушки. Мисс Хуэйнин всегда была взрослой, это просто импульсивный поступок. Я вразумлю ее, и я уверена, что она скоро придет в себя."

Матугка кивнула, совершенно спокойно оставив ситуацию в руках Цинь Инин, и уговорила старую вдову вернуться в свои комнаты. Старая вдова очень плохо себя чувствовала, но ей стало легче, когда она увидела, что Цинь Инин остается в комнате Цинь Хуэйнин.

Цинь Хуэйнин оставалось только всхлипывать на коленях матушки Кай, Битонга и Битао после ухода старой вдовы. Цинь Инин насмешливо фыркнула. "Плачет, устраивает истерику, а потом угрожает самоубийством. Цинь Хуэйнин, ты мнишь себя актрисой? Или ты думаешь, что без твоих спектаклей дома станет скучно?"

"И кем, черт возьми, ты себя возомнила?! Убирайся!" Цинь Хуэйнин встала на ноги с налитыми кровью глазами, готовая оттолкнуть Цинь Инин. Но рука Цинь Инин подлетела и в мгновение ока сомкнулась вокруг тонкой шеи Цинь Хуэйнин!

"Ты же хотела умереть? Я могу тебе с этим помочь!!"